

Научная статья

УДК 82-94

doi: 10.17223/19986645/93/12

## Концепция времени в «Вишерском антиромане» В.Т. Шаламова

Аглая Артемовна Катович<sup>1</sup>, Ирина Эдуардовна Васильева<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

<sup>1</sup> [aglaia13frolova@gmail.com](mailto:aglaia13frolova@gmail.com)

<sup>2</sup> [iren.vasilyeva@gmail.com](mailto:iren.vasilyeva@gmail.com)

**Аннотация.** Периферийный текст В.Т. Шаламова «Вишерский антироман» рассматривается в контексте размышлений писателя об «отрицательности» лагерного опыта, его нестраиваемости в континуум биографического нарратива субъекта, и разработанной Шаламовым концепции «новой прозы». «Вишера» предстает как экспериментальный текст, в котором идея о невозможности структурировать лагерный опыт и попытка подобрать для его выражения новую форму отразились в первую очередь на уровне временной организации.

**Ключевые слова:** В.Т. Шаламов, «Вишерский антироман», «новая проза», мемуары, художественное время

**Для цитирования:** Катович А.А., Васильева И.Э. Концепция времени в «Вишерском антиромане» В.Т. Шаламова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 93. С. 225–238. doi: 10.17223/19986645/93/12

Original article

doi: 10.17223/19986645/93/12

## The concept of time in Varlam Shalamov's *Visherskiy antiroman*

Aglaya A. Katovich<sup>1</sup>, Irina E. Vasilyeva<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,

<sup>1</sup> [aglaia13frolova@gmail.com](mailto:aglaia13frolova@gmail.com)

<sup>2</sup> [iren.vasilyeva@gmail.com](mailto:iren.vasilyeva@gmail.com)

**Abstract.** Shalamov's *Visherskiy antiroman* [Vishera: An Anti-novel] has been interpreted by previous researchers as, on the one hand, a peripheral text of the author and, at the same time, his literary failure; on the other hand, as a violating of *Bildungsroman* generic canon. Our article proposes to analyse *Vishera* from a different angle, since its consideration as an unconventional or failed *Bildungsroman* does not effectively explain some formal features of the text, primarily the complicated and multifaceted structure of its artistic time. Published only in 2021, the full text of the “anti-novel” was used as a material for structural analysis involving Shalamov's concept of “new prose” and his statements about the “negativity” of camp experience. The writer claimed the impossibility of integrating one's camp experience into the continuity of

subject's biographical narrative. The camp experience ruins this continuity, makes biography discrete, breaks it into separate episodes only connected by the logic of association. This idea caused the artistic structure of *Vishera*, which is being proved in our research. There are seven time layers in the composition of *Vishera*: narrator's life before arrest (1), investigation on him and his sentence in Vishera camp (2), years between his release in 1932 and his second arrest in 1937 (3), years of the Great Terror (4), the narrator's sentence on Kolyma (5), his return to Moscow after rehabilitation (1950s) (6) and the actual time of narration (late 1970s) (7). The "anti-novel" implicitly contains the entire path that the narrator overcomes between his first arrest and the moment when he creates *Vishera*. The connection between different stages of this path is not linear, as required by the traditional novel, but discrete and associative. The subject of narration constantly switches between different time layers, "leaps" from one to another, and a reason for such a "leap" can be either the desire to compare Vishera camp experience with Kolyma, or a random association of the narrator, who, for example, finds similarity between the corridor of Butyrskaya prison and a 1960s action movie. At the same time, the narrator, while distracting himself from the "main" plot (the story of his sentence on Vishera), fills each time layer with a large number of details, providing it with compositional significance. Our analysis of *Vishera*'s temporal structure showed that for Shalamov it became a way to express the main quality of camp experience – a fundamental inability to integrate into the continuity of subject's biographical narrative. The disorganization and fragmentariness of temporal structure, the discreteness of the narrative, the lack of a clear plot, the division of the narrative into disparate layers make it possible to convey the "negativity" of camp experience, the fundamental impossibility of its conceptualization and, as a consequence, the inability of its integration into the biographical narrative.

**Keywords:** Varlam Shalamov, *Visherskiy antiroman*, "new prose", memoir, artistic time

**For citation:** Katovich, A.A. & Vasilyeva, I.E. (2025) The concept of time in Varlam Shalamov's *Visherskiy antiroman*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 93. pp. 225–238. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/93/12

«Вишерский антироман» (1971) В.Т. Шаламова – автобиографический текст, состоящий из 23 очерков о первом тюремном и лагерном опыте автора. В 1929 г. Шаламов был арестован по обвинению в участии в троцкистской организации и приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей. В очерках описано его заключение в Бутырской тюрьме, следование по этапу в Вишерский лагерь на Северном Урале, подробно охарактеризована лагерная система того времени, показаны встречи с лагерными начальниками и заключенными; изложены морально-нравственные принципы рассказчика, повествуется об их испытании в суровых условиях лагеря. «Вишера» писалась «в стол», без какого-либо расчета на публикацию: «...Шаламов отдавал себе полный отчет в том, что давно вынашиваемая им тема запретна для подцензурной советской литературы, что задуманному производству уготована участь "Колымских рассказов" – лежать в столе, дожидаясь своего часа, либо мелкими ручейками перетекать в крут особо доверенных людей, в Самиздат» [1. С. 13]. Зачастую (например, в работах Е. Михайлик [2]) «Вишера» мыслится как творческая неудача Шаламова, особен-

ности ее поэтики объясняются обстоятельствами создания и неоконченностью текста. Однако, как представляется, осознание Шаламовым того факта, что «Вишера» не найдет читателей при жизни автора, предоставило ему большую экспериментаторскую свободу и позволило наиболее полно воплотить на практике концепцию «новой прозы», разработанную в многочисленных эссе и письмах (например, в эссе «О моей прозе»). Косвенным подтверждением этого тезиса служит указание на субъективную значимость «Вишерского антиромана», которое в письме И.П. Сиротинской (1971), публикуемом обычно под заглавием «О моей прозе», сопутствует изложению Шаламовым своих теоретических взглядов. Писатель считает произведение важной вехой на своем творческом пути: «Что начать в 64 года? Лишний том или два добавить вслед “Артисту лопаты” или воскресить “Вологду”? Или закончить “Вишерский антироман” – существенную главу и в моем творческом методе, и в моем понимании жизни?» [3. С. 494–495]. Найденное автором для своего произведения определение – «антироман» – еще одно свидетельство того, что именно формальная, экспериментальная жанровая природа «Вишеры» имела для Шаламова значимость и помимо фактуального содержания.

Рядом исследователей (например, Е. Михайлик [2] и Д. Лундблад-Янич [4]) антироман Шаламова трактуется как нарушение жанровых конвенций романа воспитания. С одной стороны, это справедливо: в «Вишере» на первый взгляд обнаруживается понятно устроенное противоречие между внешней сюжетной рамкой романа воспитания и отсутствием развития героя: «Юный герой, личинка революционера <...> к освобождению превращается, если верить рассказчику, в независимую, перелинявшую зрелую особь, не изменившую своих убеждений и готовую к новым испытаниям» [4. С. 326]. Рассказчик, как отмечают авторы работ о «Вишере», многого не понимает, о многом умалчивает, зачастую неадекватно и предвзято оценивает лагерную действительность. Таким образом, анализ сквозь призму жанровой конвенции романа воспитания позволяет трактовать повествуемые факты как несостоявшееся взросление героя, осознанное спустя десятилетия. С другой стороны, взгляд на «антироман» через противопоставление традиционному роману воспитания не позволяет интерпретировать формальные особенности шаламовского текста. Помимо отсутствия внутреннего развития повествующего субъекта поэтика «Вишеры» содержит и более ярко выраженные эксперименты с романной традицией. С их помощью Шаламову удается поставить вопрос о том, возможно ли встроить лагерный опыт в целое биографического нарратива.

Важное место в шаламовской теории «новой прозы» занимают размышления о неактуальности традиционной романной формы и необходимости найти новые художественные методы, адекватные изменившейся действительности (ср., например: «Бог умер. Почему же искусство должно жить? Искусство умерло тоже, и никакие силы в мире не воскресят толстовский роман» [5. С. 375]). Само определение – *антироман* – позволяет говорить о

стремлении воплотить эти размышления на практике, разрушив концептуально значимые для традиционного романа установки, наиболее принципиальная из которых – континуальность опыта в структуре личности, обозначенная Бахтиным как «динамическое единство становящегося человека» [6. С. 196]. Этот конститутивный для романного жанра признак сознательно и последовательно отменяется не только в «Вишере», но и в лагерной прозе Шаламова вообще. В ней человек не переживает внутренней эволюции, а, напротив, духовно «замирает» под влиянием внешних испытаний и лишений. Так, о собственном жизненном пути Шаламов пишет в мемуарах «Моя жизнь – несколько моих жизней»: «... время останавливается на пороге того мира, где я пробыл двадцать лет. <...> Человек выходит из лагеря юношей, если он юношей арестован» [7. С. 297]. Высказывания об отрицательности лагерного опыта в письмах и публицистике Шаламова постоянны; яркий пример находим в мемуарах «Что я видел и понял в лагере»: «Убежден, что лагерь – весь – отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя – это час растления. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать» [7. С. 626–627].

Невозможность включения пережитого в лагере в структуру становления личности мотивирована для Шаламова тем, что лагерный опыт всецело отрицателен. В этом смысле биография «шаламовского человека» структурно сближается не с романом воспитания, а с романом *авантюрным*. Характеризуя специфику этого типа романа, М.М. Бахтин писал: «Два смежные момента биографической жизни, биографического времени непосредственно сомкнулись. Тот разрыв, та пауза, то зияние, которое возникает между этими двумя непосредственно смежными биографическими моментами <...> лежит вне биографического времени; оно ничего не меняет в жизни героев, ничего не вносит в их жизнь. Это именно — вневременное зияние между двумя моментами биографического времени» [6. С. 346]. Как представляется, иллюстрацией мысли Шаламова об «авантюрной» отрицательности лагерного опыта, ее воплощением в художественной форме и стала «Вишера».

Рассказчик «антиромана», для которого познание глубины человеческих страданий в условиях Колымы еще впереди, убежден, что из тюремного и лагерного опыта возможно извлечь положительный урок: «Я надеялся, что и дальше судьба моя будет так благосклонна, что тюремный опыт не пропадет. При всех обстоятельствах этот опыт будет моим нравственным капиталом, неизменным рублем дальнейшей жизни» [8. С. 37]. Наивность такого убеждения выявляется в сравнении с приведенными выше шаламовскими высказываниями. Однако этот конфликт – не единственный в композиции «антиромана» Шаламова; острее и четче оказывается противостояние между целым биографическим временем, которое восстанавливается из множества эпизодов, разбросанных по тексту, и независимым от него временем «лагерным», которое не может быть органично встроено в биографический нарратив и разрушает его изнутри. Континуальность биографического времени «взрывается» дискретностью, «отрицательностью» лагерного опыта.

Воплощение обозначенного конфликта в романной форме для Шаламова осложнено тем, что в арсенале литературы для него нет адекватной эстетической рамки, за исключением, быть может, экспериментов модернистской прозы. М.М. Бахтиным отмечена принципиальная значимость категории времени в романном жанре: «Художественное время и пространство, необратимое и устойчиво архитектурное, в соотношении с оплотненным временем жизни приобретают эмоционально-волевую тональность <...> И внутреннее время фабулы, и внешнее время ее передачи, и внутреннее пространственное видение, и внешнее пространственное изображение имеют ценностную тяжесть – как окружение и кругозор и как течение жизни смертного человека» [9. С. 10]. Шаламов избирает в качестве адекватной формы для художественного воплощения лагерного опыта, каким он его понимает, авторскую жанровую форму. В ее архитектонике можно усмотреть наследие модернистской поэтики, прежде всего А. Белого и А. Ремизова (об их влиянии на Шаламова см.: [10]). Тот факт, что воплощенная в их произведениях модернистская эстетика оказала влияние на шаламовскую концепцию «новой прозы», подтверждается пометами в записных книжках времени работы над «Вишерой». В них Шаламов неоднократно подчеркивал значимость модернистской традиции для собственного творчества: «Я – прямой наследник русского модернизма – Белого и Ремизова. Я учился не у Толстого, а у Белого, и в любом моем рассказе есть следы этой учебы» [11. С. 322]. Именно проза Белого позволила Шаламову найти путь освобождения от линейного биографизма традиционной романной формы. Речь идет не о прямой преемственности на стилистическом, мотивном или сюжетном уровнях, а о наследовании новых, принципиально иных по отношению к традиции XIX в., способах концептуализации опыта и судьбы человека. От «толстовского» романа, «где есть твердая почва, где можно прожить хорошей жизнью от начала до конца» [12. С. 339], роман в эпоху модернизма отходит от биографического принципа и предлагает концептуализировать опыт героя с помощью символического и мифологического уровней. Эта линия, по мнению некоторых исследователей, получает развитие во второй половине XX в. (об этом см.: [13]). Шаламов идет еще дальше. Функция концептуализации не может быть воплощена в принципе – ни с помощью религии (см. выше), ни посредством использования форм традиционного фикционального нарратива. Таким образом, для Шаламова отказ от биографизма – это не шаг в сторону новых способов концептуализации. В малой прозе и в «Вишерском антиромане» писатель движется в сторону принципиальной невозможности упорядочивания с помощью любых универсалий опыта и мира в целом.

Отталкивание от традиционных романских форм отражается в первую очередь в устройстве художественного времени «Вишеры». Д. Лундبلاد-Янич так определяет главную особенность временной организации «антиромана»: «В классическом романе воспитания время должно остановиться... <...> Молодость должна перейти в зрелость, и на этом повество-

вательное время заканчивается. Невозможность для “Вишеры” завершиться, согласно жанру, его традиционным концом – браком, связана с невозможностью рассказчика завершить этот *Bildung* <...> С учетом уже известного будущего, время в “Вишере” не только не заканчивается – оно с трудом начинается. <...> В “Вишере” время колеблется между “тогда” и “потом” – настоящего будто нет, не было и быть не может» [4. С. 287–288].

Художественная задача Шаламова в «Вишерском антиромане» достаточно сложна: с одной стороны, он стремится фактографически зафиксировать лагерный опыт, с другой – художественными средствами, а не только декларативно создать эффект пустоты, «отрицательности» этого опыта для становления личности. Именно на решение указанной задачи направлены формальные эксперименты с временной организацией «Вишеры», которая чрезвычайно запутанна и многопланова. Начиная с первых глав «антиромана», повествователь на протяжении всего текста постоянно переключается из одного временного плана в другой, вспоминая, приводя примеры и параллели, сравнивая.

В структуре «Вишеры» обнаруживается *семь* основных временных планов. Пунктиром обозначена жизнь рассказчика до первого ареста: его увлечение революционным движением, работа на кожевенном заводе, участие в ликвидации неграмотности в Кунцево, студенчество (1). Следующим по хронологии и связующим звеном повествования в «антиромане» становится время первого ареста рассказчика, следствия над ним и его пребывания на Вишере (2). Присутствуют в тексте, но практически лишены подробностей годы между освобождением рассказчика в 1932 г. и его вторым арестом в 1937 г. (3). Материалом для постоянных сопоставлений и параллелей служат годы Большого террора (1937–1938 гг.), когда подверглись репрессиям многие герои «Вишеры» (4). Постоянно возникающим в тексте «подводным течением», ассоциативно связанным с вишерским планом, выступает пребывание повествователя на Колыме (5). Важное место в структуре повествования занимает время возвращения повествователя в Москву после реабилитации (2-я половина 1950-х гг.) (6). Наконец, фоном для размышлений и воспоминаний рассказчика является собственно время повествования (рубеж 1960-х и 1970-х гг.) (7). Таким образом, в повествовании незримо присутствует весь путь, который рассказчик прошел между первым арестом в 1929 г. и моментом, когда он создает текст «Вишеры».

«Антироман» начинается с того, что арест рассказчика предстает как переломное событие, время до которого – наивная юность, после – начало духовного становления: «После сражения с Мережковским в ранней моей юности, после увлечения историей русского освободительного движения, после кипящего Московского университета 1927 года, кипящей Москвы – мне надлежало испытать свои истинные душевные качества» [8. С. 36]. Описывая свое поведение на следствии, рассказчик тут же упоминает, что о некоторых обстоятельствах, сопутствовавших его аресту и допросам, он узнаёт лишь после освобождения, в 1932 г. Первый уровень ретроспектив-

ности – взгляд из времени после освобождения назад, во время ареста – возникает с первых страниц «антиромана». Эта ретроспективность сразу же усложняется, когда мимоходом повествователь сообщает подробности биографии следователя, который характеризуется как «впоследствии получивший орден за борьбу с оппозицией как сторонник Агранова, расстрелянный вместе с Аграновым в 1937 или 1938 году» [8. С. 36]. Как представляется, даже синтаксическое оформление сведений о дальнейшей судьбе героя характеризует временную организацию текста как сложносоставную, имеющую множество ответвлений: следователь упоминается в «антиромане» единственный раз, исключительно в связи со следствием над рассказчиком, и в первом же предложении, вводящем фигуру Чертока в текст, двумя причастными оборотами обозначаются сразу два временных плана – начала 1930-х гг., когда майора представили к ордену, и года Большого террора, когда его расстреляли.

Временной план Большого террора, с которым неизбежно сравнивается первое пребывание рассказчика в заключении, возникает в тексте постоянно. При этом рассказчик предстает в роли человека, к 1937 г. имевшего за плечами опыт, которого у других не было, способного сравнивать рубеж 1920-х и 1930-х гг. с эпохой Большого террора, называть себя «первооткрывателем» лагерного опыта, связанных с ним моральных и физических лишений. Так, он пишет о своем приговоре по уголовной статье:

«Следствие было начато и закончено по 58-й статье. А приговор был вынесен по уголовной, как потом у писателя Костерина, которого Берия судил в 1938 году на Колыме как СОЭ <...> Через четверть века, через двадцать пять лет, в 1954 году в кабинете районного уполномоченного МВД, когда я устраивался на работу агентом снабжения Решетниковского торфопредприятия, “начальник” просмотрел мои документы – “социально опасный”. – Вор? – Да вы с ума сошли! Тогда так давали. – Ну, не знаю, не знаю. И я едва не был выброшен за порог. Много раз в жизни я мог оценить пресловутую амальгаму. В 1937 году в Москве во время второго ареста и следствия на первом же допросе следователя-стажера Романова смутила моя анкета. Пришлось вызвать какого-то полковника, который и разъяснил молодому следователю, что “тогда, в двадцатые годы, давали так, не смущайтесь”» [8. С. 40].

Осуществляется не только сравнение своего первого лагерного срока с тем, что происходит на Колыме в 1938 г.: с помощью этого короткого вставного эпизода вводится еще один временной план – середина 1950-х гг., когда заключенные Колымы постепенно возвращаются к привычной, «доллагерной» жизни после реабилитации.

Подобных второстепенных, казалось бы, «проходных», но расшатывающих общую структуру текста переключений между временными планами в «антиромане» множество; отличительной чертой повествования является то, что зачастую они не мотивированы ничем, кроме потока ассоциаций повествующего субъекта. Яркий пример – описание тюремного быта Бутырской тюрьмы: «Заключенный сам убирает парашу, ходит на оправку по тому же звенящему железному коридору, который снят в фильме “Крах” при

сцене побега Павловского» [8. С. 37]. Никакого развития параллель между тюремной реальностью, в которой существует рассказчик, и приключенческим боевиком 1968 г. не получает. На наш взгляд, единственная ее функция заключается в том, чтобы ввести в текст временной план рубежа 1960-х и 1970-х гг., из которого повествователь оглядывается на опыт прожитых лет. Эта точка на векторе исторического времени и есть, вероятно, то *сейчас*, которое возникает в предложении: «Я и *сейчас* могу заставить себя пройти по горячему железу, и не в рахметовском плане – как раз этот герой меня никогда не увлекал» (курсив наш. – А.К.) [8. С. 37]. Рассказчик, существующий в этом *сейчас*, способен поставить под сомнение свои ретроспективные оценки событий и людских поступков, признает неблагонадежность своей памяти: «Впрочем, это кажется мне так сейчас, а возможно, что все они думали только о том, как бы прожить сегодняшний день, не думая о завтрашнем, ибо лагерь – не такое место, где нужно и можно думать о завтрашнем дне» [8. С. 65] («Лазарсон»). Таким образом, повествователь в «Вишерском антиромане» являет себя в двух вариантах: наивное, ненадежное сознание образца 1929 г. и «просвечивающее» сквозь него зрелое, обладающее другим опытом и ценностными установками, сознание начала 1970-х гг.

Пример, структурно устроенный так же, как внезапное воспоминание о фильме «Крах», находим в очерке «Вредители и грызуны». Рассказывая о начальнике управления Вишлага Э.П. Берзине (который изображается «тугодумом, тяжелодумом, начисто лишенным чувства юмора» и политически неграмотным), повествователь упоминает о том, как тот неверно процитировал марксовскую формулу «От каждого по способностям, каждому – по труду», заменив ее на «Все заключенные будут трудиться по специальности» (и выдал этот вариант за лозунг партии). Нас интересует следующий комментарий, в котором временной план 1930 г. сравнивается с современностью: «Для 1930 года в этом не было ничего удивительного. Ведь даже в 1970 году Мао Цзэдун видит преодоление умственного и физического труда – тоже теоретическая проблема – в ежедневном физическом труде интеллигентов – это должно сближать “верхи и низы”, напоминая чем-то “бег от инфаркта”, столько модный совет врачей в наше время» [8. С. 75]. Если сопоставление политического невежества крупного лагерного начальника с китайским вариантом социализма выглядит логично и закономерно, то проникновение в текст «антиромана» риторики СМИ конца 1960-х – начала 1970-х гг. происходит исключительно по законам ассоциации, возникающей у рассказчика. Похожий механизм включения в повествование плана «будущего» наблюдаем в очерке «Усть-Улс», хотя здесь заметно желание подчеркнуть тот факт, что вишерские заключенные были неизвестными никому, кроме посвященных, первопроходцами в деле освоения далеких уголков государства: «Всего по списочному составу заключенных на Севере 1931 года было около трех тысяч человек. Все эти люди были разбросаны по разным лесозаготовительным участкам: Ветренка, Вая, Усть-Улс. Я про-

чел из газет в 1970 году, что на участке Вая три тысячи лесорубов, и аэропорт, против закрытия которого ругает газета “Известия”. В мое время в 1931 году летом на Вае было человек сто заключенных» [8. С. 122].

Цепь ассоциаций, уводящую от основного временного плана повествования не только в будущее, из которого ведется рассказ, но и в более далекое прошлое, способна начать случайная встреча с земляком, сослуживцем из заключенных, как это происходит в очерке «Усть-Улс. Апрель – октябрь 1931». Отступление о жизни рассказчика между переездом в Подмоскowie и заключением на Вишере занимает несколько абзацев. Вспоминая благодаря встрече с Вениаминовым о своей жизни в Кунцево и работе ликвидатором неграмотности, повествователь затем описывает свое материальное положение в то же время, скрупулезно приводя цены на хромовые сапоги, шерстяные брюки и пальто («проданное впоследствии в студенческое время в московском ломбарде» [8. С. 118] – тут же, попутно, еще одно ассоциативное переключение между разными моментами времени). Приговор Вениаминова по статье за заражение венерической болезнью заставляет рассказчика вспомнить о плакатах на улицах Москвы и в общежитиях, об отсчетах от вывесок на станциях скорой помощи, дает повод для размышлений о семейной политике 1920-х гг. и спорах об институте семьи. Нагрузив повествование таким количеством конкретных деталей, рассказчик делает 1920-е гг. полноценным временным планом в общей структуре «Вишеры», при этом вводя его неожиданно для читателя и также неожиданно возвращаясь к вишерской линии.

Даже внутри одного временного плана – основного, вишерского, который благодаря своему центральному положению в сюжете и композиции «антиромана» мог бы сохранить цельность и выстроенность, происходит дробление, постоянное переключение нарратора из одного момента в другой, то ретроспективное изображение, то «забегание вперед» (и это в повествовании всего лишь о трех годах). Вот пример такого «дробного» переключения в рассказе о последствиях заступничества рассказчика за сектанта Петра Зайца во время следования по этапу (очерк «Вишера»): «*Через год* я случайно встретил Зайца на улице, на лагерной улице. Поседевший, изможденный. *Вскоре* я узнал, что он умер. Никогда и никто не вспоминал этого случая. Но *через два года* <...> в наше отделение в качестве младшего оперуполномоченного был переведен Щербаков» (курсив наш. – А.К.) [8. С. 44]. В рамках двух коротких абзацев происходит три временных скачка.

Пунктиром в «антироман» проникает и история Вишерского края. В очерке «Усть-Улс» упоминается некогда существовавшее на месте Вишлага железодобывающее производство: «Весь второй этаж был деревянный, надстроенный над огромным кирпичным складом. Откуда здесь кирпич, да еще в таких краях, куда ведет только пешеходная тропа и узкая горная речка – Вишера и ее верховья? Склад остался от бельгийской компании, которая вела когда-то здесь разведку на золото, уголь, на самоцветы и драгоценные камни. Бельгийцы в начале века имели здесь две угольные шахты – я сам спускался в заросшие травой забои» [8. С. 119]. Пространное

отступление об истории Вишерского края и рассказ о судьбе Степана Ширинкина вводится в текст и обрывается так же внезапно, как это происходит с временным планом конца 1960-х – начала 1970-х гг. Примечательно, что в этот момент рассказчик фиксирует характер включения этого отступления в общий текст очерка, его «попутность»: «Эту историю я рассказываю попутно – все это я уже знал к моему приезду на новое назначение» [8. С. 122]. Обычно отступления такого рода повествователь оставляет без комментариев.

Иногда внутри переключений повествователя между обозначенными временными планами прослеживается логика *романа воспитания*: когда сравнение себя в разные моменты времени позволяет проиллюстрировать произошедшие внутренние перемены. Это происходит, например, во второй главе «антиромана», когда рассказывается о «заявлении Раковского», под которым подписался рассказчик: «С этим заявлением я встретился в 1937 году на следствии. <...> К этому времени я твердо решил – на всю жизнь! – поступать только по своей совести. Никаких других мнений. <...> Мои ошибки будут моими ошибками, мои победы – моими победами» [8. С. 46].

Постоянны и логичны сравнения лагерной действительности вишерского «образца» с Колымой. Они неизбежны и постоянны потому, что многое из увиденного во время первого срока развилось, видоизменилось (иногда до неузнаваемости) к моменту второго ареста и срока повествователя.

В ряде случаев сопоставляются две системы, два бюрократических аппарата. Это подчеркивается использованием специальных лексических единиц и сокращений: «Когда в апреле 1929 года я вступил в подметенную, очищенную территорию 1-го отделения Вишерских лагерей, только что преобразованных из 4-го отделения УСЛОНа в самостоятельный лагерь, со всем соблюдением штатов, ставок, бюрократических тюремных надежд, – это были ОЛПы первого класса, второго класса, третьего класса. <...> Правда, эта сугубо усложненная бюрократическая иерархия развернулась позднее, в колымские времена» [8. С. 116–117.] Другой род сопоставлений касается убеждений повествователя, которые после колымского заключения изменились на диаметрально противоположные; возможные в 1929–1931 гг. надежды и убеждения были полностью разрушены Колымой. В частности, вера в благотворность «перековки» и готовность деятельно участвовать в ней ретроспективно оцениваются рассказчиком как ложные: «Конечно, подлинная “философия” перековки определилась *позднее*, а *тогда* <...> все казалось мне в розовом свете, и я был готов своротить горы и принять на себя любую ответственность» (курсив наш. – А.К.) [8. С. 60]. Противопоставление истинной сути вещей и их ложного обличия, созданного «перековкой», осознается повествователем в том числе при взгляде на язык, использовавшийся «тогда» и «после». Так, для сравнения приводятся обозначения лагерных реалий, возникшие в более позднее время (в период колымского срока рассказчика): «Огромная площадь лагеря, “зона”, как ее называли в будущие годы, была окружена проволокой с караульными вышками, с тремя или четырьмя воротами, откуда выходили на работу арестанты. Слова “зэк”

не было тогда» [8. С. 46]. Причем изменение языка без изменения сущности обозначаемых реалий оценивается рассказчиком как фальшь и искажение, обман: «“Перековка” была омерзительна и тем, что ничего не изменяя по существу, она изменила слова. Концлагерь стал исправительным, трудовым, вахта стала называться зоной, бушлат – полупальто, рота – бригадой, баракком. Блатари из врагов народа, из социально-чуждых, социально-вредных, социально-опасных, обратились в друзья народа. Это не обмануло блатарей. Большой человеческой кровью отмечена “перековка”» [8. С. 124–125].

Колымский опыт «просвечивает» в «Вишере» не только в прямых повествовательских сопоставлениях, носящих характер обобщения. В текст «антиромана» проникают бытовые, частные детали, вводящие временной план Колымы. Так, чай, которым угощает сослуживцев Миллер, походя сравнивается с колымским «чифирем»: «Подсыпал ли Миллер соду в свой чай для оживления краски, как делают рестораны, не знаю. Но этот крепкий чай был вовсе не чифирь – знаменитый колымский рецепт – по пачке на кружку, а обыкновенный крепкий, густой, горячий чай» [8. С. 83]. Это еще один пример того, как вводимый в текст очередной временной план насыщается бытовыми деталями, подробностями, с помощью которых получает осязаемость, приобретает вес в общей структуре «антиромана».

Сравнение Вишеры с Колымой рассказчик подытоживает в главе «Кузнецов»: «Какими бы массовыми ни были аресты в 1937 году, как бы эта коса ни косила всех подряд без всякого выбора – понятие преступления, вины было искажено безмерно, – все равно на душе каждого, прошедшего лагерь той поры, остался вечный след, вечный рубец. В двадцатые годы преступление было еще преступлением, а не сознательной политикой государства» [8. С. 98]. Такая оценка, на наш взгляд, явственно показывает, как велика пропасть между рассказчиком вишерского и колымского образцов, какая глубина человеческих страданий и преступлений, неведомая ранее, открылась ему во время второго срока.

Анализ временной структуры «Вишерского антиромана» показал, что ее разорванность и фрагментарность стала для Шаламова способом выразить в художественной форме главное свойство лагерного опыта – его принципиальную нестраиваемость в целое биографического нарратива субъекта. «Дезорганизация», многоплановость и нестабильность художественного времени, обрывочный характер повествования, отсутствие внятного сюжета, «распадение» нарратива на разрозненные «пласты» – все это позволяет передать «отрицательность» лагерного опыта, принципиальную несобираемость, невозможность его концептуализации в рамках биографического нарратива, о чем неоднократно высказывался автор «Вишеры». Дискретность хронотопа приводит к наличию большого количества отступлений от основной линии, позволяет насытить пространство текста «перегружающими» его подробностями. Однако за постоянным переключением между разными временными планами и насыщением их большим количеством бытовых деталей стоит конкретная художественная задача, поддающаяся анализу логика; ее можно назвать *логикой ассоциативного поля*, или

логикой воспоминания. В структуре повествующего сознания «Вишеры» парадоксально сочетаются противоположные свойства, с одной стороны, цельность, единство пространства памяти биографического «я», с другой – разрозненность, отсутствие цельности, распадение этого сознания на отдельные «пласты».

Описанная природа субъекта наррации стала для Шаламова способом передать принципиальную «чуждость» лагерного опыта по отношению к биографическому целому; в непримиримый конфликт в структуре текста вступили линейное, континуальное биографическое время и разорванное, дискретное время лагерное. Э. Ван Баскирк, характеризуя меняющиеся представления о сущности литературы и искусства, указывала, что «новая идея расщепленного героя, которой сопутствовала модернистская эстетика обрывочности и многообразия, привела к убежденности в том, что законченность, замкнутость и единство невозможны (или нежелательны)» [14. С. 145]. Эта эстетика нашла отражение в структуре «Вишерского антиромана» Шаламова, а материал лагерного опыта послужил для нее историческим оправданием.

#### Список источников

1. *Есинов В.В.* «Жизнь – штука серьезная, но бояться ее не надо»: предисловие // Шаламов В.Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи. Пермь, 2021. С. 5–34.
2. *Михайлик Е.* Незаконная комета: Варлам Шаламов: опыт медленного чтения. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 373 с.
3. *Шаламов В.Т.* Собрание сочинений : в 6 т. + т. 7, доп. М.: Книжный Клуб Книго-век, 2013. Т. 6. 608 с.
4. *Лундبلاد-Янич Д.* Роман воспитания наоборот: «Вишера. Антироман» В.Т. Шаламова как переосмысление жанровых традиций // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории: сборник трудов международной научной конференции. М., 2013. С. 285–291.
5. *Шаламов В.Т.* Собрание сочинений : в 4 т. М.: Худож. лит.: Варгус, 1998. Т. 4. 493 с.
6. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
7. *Шаламов В.Т.* Собрание сочинений : в 6 т. + т. 7, доп. М.: Книжный Клуб Книго-век, 2013. Т. 4. 640 с.
8. *Шаламов В.Т.* Вишера: рассказы, очерки, стихи. Пермь : ИП Худяков С.А., 2021. 304 с.
9. *Бахтин М.М.* Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
10. *Филлимонова К.* Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова и русский литературный процесс 1950–1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 231 с.
11. *Шаламов В.Т.* Собрание сочинений : в 6 т. + т. 7, доп. М.: Книжный Клуб Книго-век, 2013. Т. 7. 528 с.
12. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений : в 7 т. Т. 2: «Проблемы творчества Достоевского». Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М.: Русские словари, 2000. 798 с.

13. Беляк Г.Н. Трансформации мифотворческих стратегий в русском романе XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 25 с.

14. Ван Баскрик Э. Проза Лидии Гинзбург: реальность в поисках литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 466 с.

### References

1. Esipov, V.V. (2021) “Zhizn’ – shtuka ser’eznaya, no boyat’sya ee ne nado”: predislovie [“Life is a serious thing, but there is no need to be afraid of it”: preface]. In: Shalamov, V.T. *Vishera: rasskazy, ocherki, stikhi* [Vishera: stories, essays, poems]. Perm: IP Khudyakov S.A. pp. 5–34.

2. Mikhailik, E. (2018) *Nezakonnaya kometa: Varlam Shalamov: opyt medlennogo chteniya* [Illegal comet: Varlam Shalamov: an experience of slow reading]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t. + t. 7, dop.* [Collected works: in 6 volumes + volume 7, additional]. Vol. 6. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek.

4. Lundblad-Janich, D. (2013) [A novel of education in reverse: “Vishera: An anti-novel” by V.T. Shalamov as a rethinking of genre traditions]. *Varlam Shalamov v kontekste mirovoy literatury i sovetskoj istorii* [Varlam Shalamov in the context of world literature and Soviet history]. Proceedings of the international Conference. Moscow: Litera. pp. 285–291. (In Russian).

5. Shalamov, V.T. (1998) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Khudozh. lit.: Vargius.

6. Bakhtin, M.M. (2012) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur.

7. Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t. + t. 7, dop.* [Collected works: in 6 volumes + volume 7, additional]. Vol. 4. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek.

8. Shalamov, V.T. (2021) *Vishera: rasskazy, ocherki, stikhi* [Vishera: stories, essays, poems]. Perm: IP Khudyakov S.A.

9. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: on the philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg: Azbuka.

10. Filimonova, K. (2023) *Evolyutsiya esteticheskikh vzglyadov Varlama Shalamova i russkiy literaturnyy protsess 1950–1970-kh godov* [Evolution of the aesthetic views of Varlam Shalamov and the Russian literary process of the 1950s–1970s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

11. Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t. + t. 7, dop.* [Collected works: in 6 volumes + volume 7, additional]. Vol. 7. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek.

12. Bakhtin, M. M. (2000) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari.

13. Belyak, G.N. (2019) *Transformatsii mifotvorcheskikh strategiy v russkom romane XX veka* [Transformations of myth-making strategies in the Russian novel of the twentieth century]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

14. Van Baskrick, E. (2020) *Proza Lidii Ginzburg: real’nost’ v poiskakh literatury* [The prose of Lydia Ginzburg: reality in search of literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

### **Информация об авторах:**

**Катович А.А.** – магистрант кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: aglaia13frolova@gmail.com

**Васильева И.Э.** – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: iren.vasilyeva@gmail.com

***Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.***

***Information about the authors:***

**A.A. Katovich**, master's student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: aglaia13frolova@gmail.com

**I.E. Vasilyeva**, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: iren.vasilyeva@gmail.com

***The authors declare no conflicts of interests.***

*Статья поступила в редакцию 07.12.2023;  
одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 13.01.2025.*

*The article was submitted 07.12.2023;  
approved after reviewing 26.03.2024; accepted for publication 13.01.2025.*